DOI 10.15826/izv1.2020.26.2.036
УДК 069.1:069.6:39(571.1/.5)

Т. И. Кимеева
П. В. Абрамова
С. А. Пронина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОНДОВО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В СИБИРИ

В статье анализируются теоретические основы музейно-фондовой деятельности: тезаврирование, документирование и внутримузейная коммуникация. Исходя из теории тезаврирования, базирующейся на герменевтическом и аксиологическом подходах, определяется ценность музейного объекта. С помощью теории документирования, использующей герменевтический и семиотический подходы, выявляются объекты музейного значения в среде бытования, производится их атрибуция и интерпретация. Теория коммуникации является основой изучения процесса взаимодействия музейного объекта и его исследователя (интерпретатора). Ориентация на данные теоретические основы позволяет избежать ошибок при комплектовании и атрибуции музейных объектов.

Ключевые слова: музей; фонды; исследовательская деятельность; теория; тезаврирование; документирование; коммуникация внутримузейная; интерпретация; атрибуция.

Теоретические проблемы музееведения становятся объектом пристального внимания исследователей с 1980-х гг., когда обозначаются тенденции определения собственной методики и методологии музеологии. В публикации Л. М. Шляхтиной и М. Я. Губаренко приведено справедливое замечание чешского музеолога и этнографа Л. Кунза о специфике музеологии, в компетенции которой входят не только сбор и научная обработка фактического материала, но обоснование и презентация результатов исследований об историческом развитии определенных материальных или общественных явлений своими специфическими формами [4, 12]. Ориентиры теоретической музеологии, по мнению П. В. Менша, должны быть направлены на разработку философских, эпистемологических оснований принципов выявления, сохранения, исследования, презентации «свидетельств развития человечества и его окружения» [8, 90].

В настоящее время развивается теория коммуникации, формируются средовой и ландшафтный подходы к сохранению историко-культурного наследия, однако фондовая деятельность музеев рассматривается лишь как область прикладного

КИМЕЕВА Татьяна Ивановна — кандидат культурологии, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (e-mail: tat-kimeeva@mail.ru).

АБРАМОВА Полина Валерьевна — кандидат культурологии, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (e-mail: polina-glushkova@mail.ru).

ПРОНИНА Светлана Андреевна — старший преподаватель кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (e-mail: swetlanapro@yandex.ru).

© Кимеева Т. И., Абрамова П. В., Пронина С. А., 2020

музееведения. Учитывая то, что фондовая деятельность является основой функционирования музея и именно хранительская функция и функция документирования выделяют музей из ряда других социокультурных институтов, невнимание к теоретическим исследованиям в области фондовой деятельности значительно тормозит развитие музееведения как науки.

Теоретическую основу фондовой деятельности составляют теории документирования и тезаврирования, актуально также исследование вопросов внутри-музейной коммуникации, осуществляемой в рамках реализации фондово-хранительской деятельности. Более десяти лет назад в публикациях О. С. Сапанжи отмечалось, что «выявление ценности, “тезауруса” предмета, попавшего в музейное собрание, — ежедневная музейная работа, а вот теория тезаврирования еще ждет своих исследователей» [13, 45]. В. Г. Ананьев заявляет: «Изучение теории документирования и тезаврирования в большинстве случаев тонет в огромном потоке собственно профильных исследований, использующих исключительно методологический аппарат профильных наук и вспомогательных научных дисциплин» [1, 167]. С опорой на результаты музееведческих исследований последнего десятилетия теоретическое осмысление фондовой деятельности должно быть реализовано в рамках:

- теории тезаврирования;
- теории документирования;
- теории музейной коммуникации.

Понятие *тезаврирования* соотносится с названием специальных сокровищниц Древней Греции — тезаурусов, в которых накапливались значительные богатства. Относительно музейной теории тезаврирования, на наш взгляд, закономерно вслед за О. С. Сапанжой говорить о соединении методологии науки и технологий практической деятельности: «...теория музейного тезаврирования, изучающая проблемы познания ценности предмета, должна развиваться на основе музейно-аксиологического метода» [14, 302].

Употребление дефиниции «тезаурус» в отношении музея наряду с другими специфическими музейными терминами связывается с именем З. Странского [4, 14]. Именно он впервые стал разрабатывать аксиологический подход в музееведении и выдвинул тезис о том, что существует особое ценностное отношение человека к действительности, способствующее тому, что предметы музейного значения выделяются из среды бытования и сохраняются человечеством. В дальнейшем теория тезаврирования находит отражение как в научных исследованиях, посвященных проблемам формирования коллекций музея, так и в сугубо прикладных работах. Так, П. В. Менш анализирует музейную потребность в собирательстве и сохранении артефактов, вызванную специфическим отношением человека к действительности, акцентирует внимание на тезисе З. Странского: «Тезаврирование предполагает процесс развития коллекции» [8, 195]. Ю. Ю. Оганесова считает, что теория тезаврирования как одно из формирующихся направлений современного музееведения связана с задачей охраны музейных предметов путем создания определенных режимов хранения для разных предметов в различных географических зонах со свойственными им температурно-влажностными режимами [9, 4]. То есть

исследователи разных сфер музейной деятельности связывают тезаврирование с изучением всей совокупности музейных объектов, функционирующих в музее, с позиции познания, определения их ценности в зависимости от содержащейся в них информации и с обеспечением их физической сохранности, однако это не имеет отношения к собственно теории об особой ценности музейного предмета.

Теория тезаврирования, таким образом, связана с проблемами определения особой ценности музейного предмета, а на прикладном уровне — с отбором и исследованием предмета музейного значения, а именно с комплектованием и начальной ступенью атрибуции, предшествующей включению предмета в музейное собрание. Так в рамках данной теории тесно связаны теоретический и прикладной аспекты. Общая теория может быть успешно применена при исследовании конкретного эмпирического материала, в данном случае — фондовых собраний этнографических музеев под открытым небом в Сибири. Следует отметить, что в отношении этнографических музеев под открытым небом правомернее говорить не только о предметах музейного значения, но об объектах музейного значения, так как музеи подобного типа включают как движимые, так и недвижимые нематериальные объекты. Теория тезаврирования применяется уже на стадии комплектования фондов музея и музеефикации недвижимых объектов культурного наследия. Когда мы извлекаем предмет из среды бытования, мы как раз и устанавливаем, обладает ли он музейной ценностью. Только предмет, имеющий музейную ценность, может быть включен в фонд музея или, в случае с музеями под открытым небом, музеефицирован как объект музейного значения. Среди объектов этнографического музея под открытым небом, как правило, сосредоточено значительное число утилитарных предметов утвари, орудий промыслов и хозяйственной деятельности. Кроме движимых объектов подобный тип музея включает и недвижимые объекты — различные типы деревянной архитектуры.

Теоретиками отечественного музееведения были сформулированы критерии отбора предметов музейного значения — информативность, репрезентативность, аттрактивность, экспрессивность, сущность которых раскрыта в целом ряде публикаций. Информативность предполагает наличие у предмета музейного значения способности являться источником информации; репрезентативность означает возможность предмета наиболее полно отображать исторические или социокультурные явления, представляя целый ряд сходных с ним предметов; аттрактивность рассматривается как способность предмета привлечь внимание (например, посредством передачи духа конкретной эпохи); свойство экспрессивности означает способность предмета вызывать эмоции. Следует отметить, что для собрания этнографического музея под открытым небом основополагающими из этих критериев можно считать первые два. Свойство аттрактивности характерно, в первую очередь, для предметов искусства, свойство экспрессивности — для мемориальных предметов. Выделяются такие виды ценности музейного предмета, как историческая, мемориальная, эстетическая и научная. Для объектов музейного значения, сохраняемых в музеях под открытым небом, особенно важным является историческая ценность, хотя им одновременно могут быть присущи и другие виды ценности.

Музейная ценность коррелирует со свойствами музейного предмета. Так, научная и историческая ценности соотносятся со свойствами информативности и репрезентативности, художественная — со свойством аттрактивности, а мемориальная — со свойством экспрессивности. Для этнографических музеев способность служить источником информации о традиционной культуре того народа, которому посвящены экспозиции музея, определяет научную ценность объекта музейного значения. Мемориальная ценность может быть установлена в процессе выявления связи предмета с конкретной личностью — представителем конкретного этноса. Художественная/эстетическая ценность также может быть характерна для предметов декоративно-прикладного искусства, для деревянного зодчества.

Таким образом, теоретические разработки являются основой для практической деятельности музея. Немаловажное значение для науки имеет определение точек «соприкосновения фундаментального и прикладного аспектов» музееведения [15, 336]. Отсутствие опоры на теоретические музееведческие разработки ведет к серьезным ошибкам в фондово-хранительской деятельности. Движимые объекты этнического наследия, включенные в состав коллекций этнографических музеев под открытым небом в Сибири, в настоящее время представлены на официальном сайте Госкаталога музейного фонда Российской Федерации. Кроме того, они, наряду с недвижимыми объектами — преимущественно деревянной архитектурой, изучались в ходе непосредственного наблюдения авторами настоящей статьи. Как показывает анализ движимых объектов — предметов основного фонда этнографических музеев под открытым небом в Сибири, размещенных в Госкаталоге музейного фонда Российской Федерации, определение музейной ценности на этапе комплектования фонда музея вызывает затруднения у музейных специалистов. Исследование материалов Госкаталога позволило выявить:

- наличие в основном фонде предметов, не соответствующих профилю музея;
- включение в основной фонд музея воспроизведений музейных предметов, а не подлинников.

Данные ошибки обусловлены в том числе тем, что многие предметы, обозначенными музеями в основном фонде, не атрибутированы на начальном этапе комплектования, а следовательно, не установлено, обладают ли они музейной ценностью или нет.

Так, например, музейной ценностью для музея под открытым небом, ориентированного на презентацию археологического и этнографического наследия, не может обладать репродукция картины известного русского художника И. Е. Репина «Не ждали» [3], и вообще репродукция вряд ли может обладать таковой ценностью, так как не является первичным источником информации, не обладает ни исторической, ни мемориальной, ни художественной ценностями, присущими оригиналу. Определение музейной ценности должно осуществляться с опорой на аксиологический и гносеологический подходы, когда в качестве основополагающих принципов используются научность и достоверность. Историческая ценность объекта, входящего в состав собраний этнографических музеев под открытым небом, должна определяться на основе выявления таких признаков, как

традиционность его визуального облика, конструктивных элементов, технологий производства и знаний, связанных с его бытованием.

Вопрос о возможности включения в основной фонд воспроизведенных музейных предметов дискуссионный. Однако, на наш взгляд, воспроизведение музейного предмета, равно как и архитектурный объект, являющийся новоделом, есть не что иное, как информационное поле, снятое с подлинника. По сути, новодел тождественен цифровому изображению подлинника, однако относительно невозможности включения его в фонд музея сомнений не возникает ни у кого. Более того, новоделы зачастую изготовлены с высокой долей условности, без применения традиционных технологий. Но даже если предметы воссозданы на основе изучения хранящихся в музейных архивах экспедиционных этнографических материалов, включая фотоархивы, опубликованные в научных изданиях полевые материалы исследований, материалы музейных коллекций, говорить об их музейной ценности вряд ли возможно.

Исключением является изготовление новоделов носителями традиции. В данном случае такой подход может быть обоснован положением теоретиков экомuzeологии: нужно сохранять не предмет, а традицию его изготовления [11]. Данный подход с ориентацией на принцип аутентичности был соблюден носителями традиций при создании движимых и недвижимых объектов для коллекционного фонда Этнографического музея под открытым небом «Торум Маа» [2], в собрание которого входит значительное количество движимых объектов, сооруженных в 1990-е — начале 2000-х гг. Для этнографических музеев под открытым небом, созданных в рамках средового подхода, важно определять ценность среды компактного проживания конкретного этноса в определенный период времени.

Музейное тезаврирование тесно связано с музейным документированием, так как только наделенный музейной ценностью объект может быть документом, т. е. обладать информационным потенциалом. О. С. Сапанжа в обосновании теоретических музееведческих исследований опирается на мнение З. Странского о музейных предметах как своеобразных документах, выявление значения которых «включает критерии познавательные и ценностные, рождающие специфическую интеграцию гносеологических и аксиологических методов» [12, 25; 16]. А. А. Чернова на основе анализа научных публикаций по тематике теории музейного документирования делает вывод о широте данного понятия, связанного с познанием различных сторон окружающего мира посредством постижения информационной ценности музейного предмета [17, 171–172].

В рамках теории документирования, таким образом, должна найти отражение методика исследования информационного поля объекта музейного значения. Выявление информационного поля музейного предмета осуществляется в процессе его атрибуции, в рамках которой применимы, на наш взгляд, основы философской герменевтики Ф. Шлейермахера, его теоретические положения относительно воссоздания целого из частей [18, 29]. Интерпретация рассматривается теоретиком герменевтики как искусство «по воссозданию конструкции», что может быть применено и к исследованию информационного потенциала объектов музейного значения.

Теория документирования в данном случае становится основой атрибуции и интерпретации музейного объекта, при этом осуществляется ряд последовательных действий:

1) при выявлении объекта музейного значения в среде бытования используется прием визуального исследования, это позволяет установить его причастность к культуре определенного народа, а также сделать предположение о его музейной ценности;

2) на основе метода атрибуции осуществляется выявление морфологических характеристик объекта через исследование его свойств: наименования на языке народа-носителя, материалов, техник изготовления, типа декора и техник декорирования, времени изготовления и бытования, времени и места фиксации и извлечения из среды бытования;

3) установленные атрибутивные характеристики исследуются на основе метода интерпретации, ориентированного на выявление информационного поля музейного объекта.

При несоответствии объекта культуры конкретного этноса критериям традиционности и подлинности неизбежен возврат к началу исследования этого объекта, и работа будет продолжаться до тех пор, пока не обнаружат причину несогласования в интерпретации [6, 199–200]. Предлагаемая концепция интерпретации объектов музейного значения может быть применима ко всем категориям объектов музейного значения. Только в случае грамотной атрибуции и интерпретации музейного объекта можно считать, что музей эффективно выполняет функцию документирования.

Данная методика, как показывает анализ фондов этнографических музеев под открытым небом в Сибири, была бы весьма полезной на начальной стадии работы с объектами музейного значения при установлении их музейной ценности и включении в основной фонд музея. Музейный объект для обозначенного типа учреждений документирует особенности этнической культуры, наличие в ней традиций и опирающихся на эти традиции инноваций. Однако теоретические основания для определения тезауруса объекта, отношения к нему как специфическому документу нередко игнорируются при формировании фондов этнографических музеев под открытым небом. Например, в результате визуального исследования и музейной атрибуции объекта, зарегистрированного в Госкаталоге музейного фонда РФ под номером 12 734 476 в качестве традиционного жилища шорцев «одаг», возникли сомнения относительно традиционности его конструкции и формы, а также технологий изготовления. Одаг, известный как одно из наиболее древних жилищ у шорцев, представлял собой полуземлянку, каркас которой состоял из столбов, установленных по углам ямы, и наклонно соединялся сверху жердями. Конструкция данного жилища имела форму усеченной пирамиды и для ее сооружения не применялась срубная техника: каркас сверху покрывался бревнами — расколотыми вдоль с частично выбранной сердцевиной, укладываемыми на манер черепицы. Техника рубки получила распространение у шорцев только под влиянием русских [5, 105]. Одаг же, включенный в собрание музея под открытым небом «Трехречье», имеет прямоугольную в плане форму с пирамидальной крышей,

выложенной из тонких бревен, укрепленных в пазах на манер срубной техники «в чашу», только разреженно. Стены вертикально зашиты досками фабричного производства. То есть постройка сооружена в 1950-е гг. без применения традиционных технологий, исключительно по замыслу ее создателя. Следовательно, возникают сомнения относительно того, имеются ли основания рассматривать данный объект в качестве документа, наделенного музейной ценностью и подлежащего включению в основной фонд музея. Вопрос может быть решен в процессе музейной коммуникации исследователя (интерпретатора) и атрибутируемого им музейного объекта.

Следовательно, музейно-фондовая деятельность базируется не только на теории документирования и тезаврирования, но и на теории коммуникации. Музейная коммуникация рассматривается сегодня как одно из ключевых понятий социально-гуманитарного знания. Оно появилось в научной литературе относительно недавно и не было отторгнуто сферой музееведения. По мнению Е. Н. Мастеницы, «музейная коммуникация» начинает жить и работать в данной сфере, «...вступает в отношения с другими понятиями, служит средством решения фундаментальных и прикладных проблем, и в конечном итоге может привести к серьезному изменению взгляда на действительность, изучаемую данным научным направлением» [7, 296].

В основном в музееведческих трудах теория музейной коммуникации анализируется в аспекте исследования экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности. Внутримузейная коммуникация рассматривается О. С. Сапанжой как процесс, для которого характерным является наличие в рамках фондово-исследовательской деятельности двух участников, одним из которых служит материальный объект (предмет музейного значения), другим — исследователь (интерпретатор). Уровень коммуникационной связи объекта и его исследователя определен как первая ступень внутримузейной коммуникации. Наделенность предмета музейного значения «скрытой» информацией подразумевает наличие информационной грамотности у интерпретанта [15, 246]. Теоретическое обоснование коммуникационного процесса между двумя субъектами должно осуществляться с опорой на научные методы, приемы, принципы. Концептуальный подход ориентируется на владение методом интерпретации для исследования информационного потенциала и выявления информационного поля объекта музейного значения, что предполагает опору на герменевтический и семиотический методологические подходы с соблюдением принципов научности и подлинности.

Предлагаемая выше концепция интерпретации объектов музейного значения может быть успешно применена на первой ступени внутримузейной коммуникации для истолкования заключенной в музейных объектах информации. Вопрос о тезаурусе такого этнографического объекта, как описанный выше одаг, его возможностях документирования традиционной культуры шорцев и, соответственно, о включении этого объекта в основной фонд музея мог быть решен уже в результате визуального исследования. Интерпретатор как один из субъектов музейной коммуникации при исследовании объекта должен опираться на результаты

фиксации традиционного летнего жилища «одаг». Фотофиксация и описание одага были выполнены ленинградским этнографом Л. П. Потаповым в 1936 г. [10, 110], кемеровским этнографом В. М. Кимеевым в 1980-е гг. [5, 233]. Сравнительный анализ результатов фотофиксации одага в среде бытования и включенного в собрание музея «Трехречье» объекта обнаруживает рассогласование в интерпретации уже на первой ступени, даже без учета критериев атрибуции для раскрытия морфологических характеристик объекта через исследование его свойств. Название постройки «одаг» на языке народа-носителя характерно только для двух типов объектов — свадебного шалаша и летнего жилища. По особенностям конструкции, технологическим приемам сооружения и прочему включенная в собрание постройка сильно отличается от жилища шорцев — одага: владелец строил ее по собственному «индивидуальному проекту», не обращаясь к традиции. Тем более что в 1950-е гг. большая часть объектов традиционной культуры шорцев в естественной социокультурной среде была утрачена, и, вероятнее всего, постройка была сооружена наследником традиции или же вообще человеком, не имеющим никакого отношения к ней. Отличие понятия «наследник традиции» от понятия «носитель традиции» состоит в том, что первый не способен осуществить передачу традиции, так как для него традиционные знания не представляют той непреложной ценности, как для «носителя традиции». Из чего следует, что «наследник традиции» не способствует ее сохранению, так как обладает фрагментарными и дискретными сведениями о ней. Не исключена возможность и того, что объект был сооружен русским плотником, так как в конце XIX в. на территории Горной Шории поселилось много русских приискателей, плотников и представителей других профессий. Сведения же о создателе объекта отсутствуют, о чем свидетельствуют музейные документы на объект. Данный пример наглядно иллюстрирует, что опора на положения концепции интерпретации на первой ступени внутримузейной коммуникации позволяет предотвратить ошибки при формировании основного фонда музея.

Таким образом, теоретические направления фондово-исследовательской работы — теория тезаврирования, теория документирования и теория музейной коммуникации тесно связаны между собой. Тезаврирование, с опорой на аксиологический и гносеологический подходы, способствует обоснованию подлинности/аутентичности объектов музейного значения, а значит — определению их особой музейной ценности, способности документировать соответствующие области действительности. Устойчивость коммуникационного механизма на уровне фондово-исследовательской деятельности обеспечивается опорой на принципы научности и достоверности. Процесс извлечения информационного поля объекта музейного значения определяется спецификой фондово-исследовательской деятельности, информационной грамотностью интерпретатора как одного из субъектов первой ступени внутримузейной коммуникации. Необходимо учитывать, что теоретические основы задают вектор прикладных исследований в фондовой деятельности музея, без чего не могут быть намечены перспективы реализации полученных результатов.

1. *Ананьев В. Г., Климов Л. А.* [Рец. на кн.:] Сапанжа О. С. Методология теоретического музееведения : монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 115 с. // *Вопр. музеологии.* 2010. № 2 (2). С. 165–169.
2. Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа Югры «Этнографический музей под открытым небом “Торум Маа”» // Госкаталог РФ : [офиц. портал]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?museumIds=2550> (дата обращения: 03.02.2020).
3. Государственное автономное учреждение культуры Кемеровской области «Историко-культурный и природный музей-заповедник “Томская писаница”» // Госкаталог РФ : [офиц. портал]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19244902> (дата обращения: 03.02.2020).
4. *Губаренко М. Я., Шляхтина Л. М.* Генезис и формирование музеологии в Чехии и ее влияние на отечественную научную традицию // *Вопр. музеологии.* 2015. № 2 (12). С. 3–16.
5. *Кимеев В. М.* Шорцы. Кто они? : этнограф. очерки. 2-е изд., доп. и перераб. Кемерово, 2016. 255 с.
6. *Кимеева Т. И.* Семиотическая интерпретация музейных предметов как основа актуализации нематериального наследия в музее // *Мировые тренды и музейная практика в России : сб. ст. М., 2019. С. 195–202.*
7. *Мастеница Е. Н.* Эвристический потенциал коммуникационного подхода в музееведении // *Тр. СПбГИК.* 2007. Т. 172. С. 295–302.
8. *Мени П. В.* Структура музеологии // *Вопр. музеологии.* 2014. № 1 (9). С. 89–95.
9. *Оганесова Ю. Ю.* Превентивная консервация музейных коллекций и ее роль в сохранении объектов культурного наследия // *Изв. РГПУ им. А. И. Герцена.* 2011. № 131. С. 363–368.
10. *Потапов Л. П.* Очерки по истории Шории. М. ; Л., 1936. 260 с.
11. *Ривьер Ж. А.* Эволюционное определение экомuzeя // *Museum.* 1985. № 148. С. 2–3.
12. *Сапанжа О. С.* Культурологическая теория музейности : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2011. 58 с.
13. *Сапанжа О. С.* Культурологический подход в современном музееведении // *Вопр. культурологии.* 2009. № 9. С. 44–48.
14. *Сапанжа О. С.* Современное теоретическое музееведение: к вопросу методологии науки // *Научные проблемы гуманитарных исследований.* 2010. № 1. С. 297–302.
15. *Сапанжа О. С.* Развитие представлений о музейной коммуникации // *Изв. РГПУ им. А. И. Герцена.* 2009. № 103. С. 245–252.
16. *Сапанжа О. С.* Технология и методология в современном музееведении: к вопросу о методе науки // *Изв. РГПУ им. А. И. Герцена.* 2009. № 117. С. 335–340.
17. *Чернова А. А.* Музейное документирование как объект теоретических изысканий исследователей // *Вестн. КемГИК.* 2018. № 42. С. 169–174.
18. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб., 2004. 242 с.

Статья поступила в редакцию 26.02.2020 г.